

А.И. Чепель

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ ТЕРРИТОРИЙ, ОТОШЕДШИХ ОТ РОССИИ К ШВЕЦИИ ПО СТОЛБОВСКОМУ МИРУ, СО СВОИМИ БЫВШИМИ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ

Все двадцатое столетие — нескончаемая история появления новых границ и исчезновения старых. В последний век второго тысячелетия этот перманентный процесс даже стал привычным явлением. Революционные потрясения, две мировые войны, объединение Германии, распад СССР... Все эти события в большей или меньшей степени не только меняли систему международных отношений, но и проходили катком по судьбам людей, в одних случаях разделяя их привычный жизненный уклад рубежной чертой, в других — объединяя в рамках одного государства тех, кто долгие годы находился по разные стороны идеологических и реальных «берлинских стен». Поэтому вполне закономерен не только неутраченный, но все возрастающий исследовательский интерес к приграничным территориям, как современности, так и прошлого¹. Один из таких переломных периодов — появление (по условиям Столбовского мира 1617 г.) и бытование новой шведско-русской границы и, соответственно, нового приграничья.

Необходимость уступить в пользу Швеции северо-западные русские территории была не только политическим, но и идеологическим поражением Москвы. По условиям мирного договора, эти земли не имели права покидать крестьяне и православные священники. Шведские власти всеми средствами стремились предотвратить запустение получаемых территорий, обеспечить обработку пахотных земель, для чего православные крестьяне не должны были разлучаться со своими духовными пастырями. При этом

русские власти, опираясь на традиционное тогда представление о тождественности таинства крещения и присяги царю, по-прежнему рассматривали оказавшихся по другую сторону границы православных в качестве царских подданных². Это представление и приводило к систематическому давлению русских властей на отторгнутых границей жителей северо-западных территорий.

Не желая смириться с потерей, русские правящие круги искали любые возможности для воздействия на бывших соотечественников. Еще накануне заключения мирного договора царская администрация через новгородских воевод оказывала влияние на находившихся несколько лет под шведской властью новгородцев, не в последнюю очередь на священников. Представителей духовенства склоняли к тому, чтобы они «православных крестьян утверждали, чтобы жили в Новгороде и на нашу царскую милость были надежны», шведам бы «не передавались и в их сторону не ходили». Царь обещал, что простит всех православных, которые во время шведского господства в Новгороде шведам «прямили, а на русских людей посягали», ибо «кто что ни делал, то от боязни (<...> боясь смертного убийства и грабежу и разоренья: были в их руках, как было их воли не творить и им не служить?») Те, кто, «попомня православную веру, родителей своих гробы и великого природного православного государя», под властью иноверцев не останется, могут быть «на нашу царскую милость быть надежны». Тут же царь рисовал перспективу для тех, кто соблазнится на шведскую «преlestь»: «Хотя мало в чем им ныне поманят, или что кому посулят или дадут, чем бы их от нашей царской милости ныне отвести и в свои города под свою власть привести, а вперед им от них всякого же лиха и дурна и насильства не минуть, сами вы все то знаете». А когда поддавшиеся на шведские сладкие обещания одумаются, будет уже поздно, напоминал царь: «Душами своими от Бога во веки погибнут, и хоть уж после в раскаяние и придут, а пособи же себе никоторые получить не могут»³.

Царские посулы и предостережения, обращенные к тем, кто имел возможность выбрать страну проживания, понятны. Но после заключения Столбовского мира, по условиям которого стороны пришли к договоренности о том, что крестьяне и православные священники на отрезанных от России землях останутся под шведским владычеством, можно ли было обвинять в нелояльности к царю людей, не по своей доброй воле оставшихся под властью лютеранского монарха? Именно так поступил в 1618 г. новгородский митрополит, обвинявший оставшееся по условиям Столбовского мира под властью шведов православное духовенство, прибывавшее по

религиозным надобностям в Новгород — почему они не ушли в русские пределы, ведь «смотря на них, и крестьяне бы перешли, а коли они там остались, и на них смотря, и крестьяне там же остались»⁴.

Недоверие и напряженность в отношениях между русскими властями и их бывшим соотечественникам нарастало. С точки зрения православия нахождение православного человека в сфере влияния иноверцев — явление ненормальное. Поэтому вполне объяснима царская грамота 1629 г. в адрес новгородской воеводской администрации следующего содержания. Если придут со шведской территории православные «русские люди» с целью помолиться в новгородских храмах, то следовало воеводам выяснять, «не пошатались ли которые в вере и не пристали ль к люторской вере?»⁵

Вспомним предостережения царя в адрес тех, кто соблазнится «шведским пряником» и забудет «родителей своих гробы»: когда надумают вернуться в православное царство, то отношение к ним не будет милостивым. Интересна в этом смысле терминология, которая использовалась русскими властями в отношении тех, кто со временем все же надумал возвратиться. Известны случаи, когда бывшие русские дворяне, в смутные времена принявшие решение остаться под шведской властью, впоследствии пытались вернуться в царское подданство вместе со своей челядью. В 1631 г. на русскую заставу пришел «зарубежный перебежчик, татарин <...> государев изменник, что отъехал к немцам из Новгорода, Павел Алабардуев» и просил принять его «с женою, и с детьми и с людьми своими» под царскую руку⁶. Как видим, здесь русский дворянин, вполне законно оставшийся на службе у короля лютеранской державы (в течение двух недель со дня подписания Столбовского мирного договора дворянам предоставлялось право выбора страны проживания), именуется «изменником».

Следует отметить, что в первой половине XVII в. понятие «измена» в России меняется, усложняется. Если до Смутного времени любой нарушитель лояльности становился либо изменником православия, либо изменником государя, то в период Смуты в отдельные представления выделились категории «измена земле» или «измена отечеству», и в этом значении эти понятия сложились как относительно устойчивые только во второй половине XVII в.⁷

Отношения царского правительства с русскими дворянами, оставшимися после заключения Столбовского мира под шведской властью, не были столь однозначно неприязненными. Так, принесшие присягу шведскому королю дворяне Никита Калитин и Федор Аминев пошли по пути тайного сотрудничества с русскими властями, снабжая их информацией со швед-

ской территории — «вестями»⁸. В 1620 г. воеводы докладывали в Москву: «Приезжал в Новгород с продажным хлебом из Копорского уезда», находившегося в шведском подчинении, «человек Никиты Калитина», и поведал новгородским воеводам различные зарубежные «вести», при этом Никита прошупывал почву на будущее. Он просил царя просить его вину и велел передать московским властям, что «как будет его время, и он» к царю на службу готов прибыть — «будет тотчас»⁹. Возможно, русские дворяне, оказавшиеся в шведском подданстве, но поддерживавшие связи с русскими властями, готовили себе таким способом благоприятную почву для возвращения под власть православного царя, если ситуация в Швеции изменится в неблагоприятную для них сторону.

При переходе из-за рубежа в русские пределы, чтобы как-то загладить свою «вину» перед православным царем, бывшие русские подданные не забывали упомянуть о сохраненной ими, несмотря на существование в сфере влияния иноверцев, приверженности православию. Очевидно, что это должно было способствовать более благоприятному приему. Так, в 1622 г. «вышел из-за немецкого рубежа из Копорья на царское имя в Великий Новгород и с женишкой, и с детишками» сын боярский Аникей Харламов и поведал такую историю. Сразу после Столбовского мира, в разрешенные для выхода две недели, «вывез его из Новгорода отчим его (...) с собою в Копорье сильно [насильно. — А. Ч.] малого». Теперь же, подросший и обзаведшийся семьей, Харламов вернулся в родной город. Поскольку отчим вывез его насильно, сын боярский называет себя «немецким полоняником» и уверяет царя, что теперь он и домочадцы «ушли от них [от иноверцев, лютеран. — А. Ч.] душою и телом»¹⁰. Таким образом, Харламов давал понять русским властям, что он остался «своим», так как сохранил «православную душу». Кроме того, здесь же использован и другой прием подтверждения своей лояльности царю — вывезли его еще ребенком, так что оказался Аникей в шведской юрисдикции не по своей воле.

Русскому правительству, скованному международными соглашениями, но при любом удобном случае стремившемуся оказывать влияние на своих бывших подданных, не всегда для этого требовалось использовать трансграничные контакты. Можно было действовать через шведских подданных, оказавшихся на русской территории. В царской грамоте от 3 июля 1656 г., в самом начале русско-шведской войны 1656–1658 гг., псковской воеводской администрации было указано «тайным обычаем» вести пропаганду среди приехавших во Псков для торговли жителей шведского Ивангорода. Следовало «говорить им порознь», чтобы они «помня Бога и веру нашу ис-

тинную благочестивую христианскую и души свои <...> царю послужили». Ивангородцы должны отправить от себя верных людей, чтобы они, «слу- жа царю, будучи в Ивангороде, меж своей братьи проводывая про всякие вести, писали тайно» русскому воеводе. Кроме того, было нужно, чтобы посланцы эти «свою братью русских людей наговаривали тайным же обы- чаем <...> чтоб они русские люди, помня Бога и истинную благочестивую христианскую веру и души свои, учинились под высокою царскою рукою во всем потому, как они были наперед сего <...> и царских ратных людей в город пустили. А кто из них, помятуя Бога, учнет царю служить, тех царь пожалует жалованьем, честью и многою льготою». За уговорами последо- вали и угрозы. «Будет те, кого они отпустят, забыв Божий страх и веру рус- скую, не учнут царю служить, и обратятся на их немецкую прелесть, и им всем [тем шведским подданным, которые останутся во Пскове под присмо- тром воеводы. — А. Ч.] быть перевешенным».

Видим, что здесь русское правительство пошло по пути удержания заложников, которых псковский воевода должен был стеречь за крепким караулом, «чтоб изо Пскова за рубеж не ушли». Таким способом русские власти призывали шведских подданных изменить своему монарху — швед- скому королю. Ивангородские торговцы все же нашли выход: они готовы послужить царю, но в Ивангород верному человеку «ехать невозможно», потому что шведские власти многих «ивангородцев торговых русских лю- дей лучших посадили по разным тюрьмам на смерть», а другие разбежа- лись «в разные места», с оставшимися же о таком деле «говорить нельзя и ненадежно». Торговцы поведали своим русским высокопоставленным тюремщикам, что шведские власти также объявили: кто из русских будет с людьми с царской стороны «советовать и ссылатся», тем быть казненны- ми¹¹: военное время диктовало свои суровые правила.

Как видим, присутствие православных, бывших царских подданных, в рядах подданных шведского короля давало русскому правительству до- полнительные возможности для ослабления обороноспособности в швед- ском приграничье. Русским правительством предпринимались даже попыт- ки привлечь иностранных подданных к организации выступления против шведской власти в приграничных крепостях королевства, как в рассмотрен- ном случае с псковскими заложниками.

Торговые контакты были жизненно необходимы и Швеции, и России, обе стороны были заинтересованы в систематической торговле. Поэтому- то царское правительство и имело возможность активно использовать для получения сведений о положении дел за рубежом русских торговцев. Летом

1659 г. русские торговые люди, традиционно поставлявшие «вести» своему правительству, столкнулись в шведских приграничных землях, в Нарве (Ругодиве), с информационным вакуумом о положении дел в Швеции: «А в Ругодиве <...> которые немецкие люди про те вести ведают, им <...> русским людям того не сказывают и от них таят, и грамотки <...> из Стокгольма [Стокгольма. — А. Ч.], которые присылают к ним, русским людям, в Ругодив, генерал и иные [шведские. — А. Ч.] начальные люди перенимают для того, чтоб им, русским людям, тех вестей не ведать». В этих условиях русские воеводы приняли оперативное решение — они писали «в Ругодив к новгородцу к торговому человеку к Якову <...> который живет за медною покупкою, чтоб он про всякие вести проводывал всякими делы накрепко частным обычаем, и писал к нам»¹².

Опустимся несколько ниже по иерархической лестнице и перейдем от взаимодействия высшего эшелона русской власти с бывшими царскими подданными к взаимодействию разделенных границей землевладельцев и их бывших крестьян и дворовых людей. В их отношения новая граница привнесла как немало сложностей, так и новых возможностей.

После 1617 г. Лопский и Теребужский погосты (Карелия) оказались по разные стороны границы. Жившие здесь два клана служилых людей — князя Мышецкие и Овцыны — пожертвовали частью своих владений, которые отошли Швеции, и остались на русской службе. Минуло почти полвека. В 1662 г. шведская приграничная администрация жаловалась своим русским коллегам, что Савелий и Матвей Мышецкие на десяти лошадях вывезли из Лопского погоста (со шведской территории) несколько сотен возов сена. Очевидно, воспоминания об утраченных поместьях будоражили чувства помещиков Теребужского погоста, и это помимо меркантильного интереса вызывало такую их активность в приграничье¹³.

Опустимся еще на одну иерархическую ступеньку и рассмотрим, как изменились взаимоотношения между «простыми людьми» — крестьянами, дворовыми людьми, разделенными границей. В условиях роста налогов и в России, и в Швеции важнейшей задачей сельского населения по обе стороны границы был поиск источников дополнительных доходов, не облагаемых налогами. Самый доступный способ — распахать заброшенную пустошь, создать «тайную запашку». В некоторых случаях с этой целью крестьяне, живущие в приграничье, налаживали трансграничные связи. В 1624–1626 гг. тянулось дело о «порче межи». В 1624 г. комендант шведского Кексгольма выразил протест в адрес новгородского воеводы о нарушении жителями Олонецкого погоста пограничной «межи»: русские кре-

стьяне в шведских землях «лес сбили и пашню пахали». Причем крестьяне подошли к делу весьма основательно и смекалисто. Они «с рубежа с прямого места потесы перенесли и учинили новые потесы <...> за рубежом, от тех мест и от потесов, где межевальные послы учинили, с полверсты». То есть земледельцы, не мудрствуя лукаво, ликвидировали официальные приграничные маркеры — зарубки на деревьях, и вытесали новые, отрезав тем самым от шведских владений определенную территорию. Русские власти сразу не смогли определить обоснованность обвинений, потому что в Великом Новгороде не нашлось межевых книг, по которым можно было бы проверить правильность проведения пограничной черты.

Между тем в 1625 г. поступила ответная жалоба. Царские подданные, олонецкие крестьяне из Туломоозера, обвинили шведских подданных, «корелян» Суоярвской волости, в распашке земли в Олонецком стане, в Сямозерье, на русской стороне. При этом шведские крестьяне успели убрать урожай ржи и свезти его к себе за рубеж. Новгородские власти направили на границу помещика Филиппа Арцыбашева с наказом взять «старожильцев», встретиться со шведскими представителями, и провести расследование, в ходе которого выяснилось, что шведские крестьяне не только возделывали земли в русских пределах, но так же, как и их визави с русской стороны, уничтожили настоящие межевые знаки и установили ложные. Таким образом, на этом участке шведско-русская граница оказалась самовольно перенесена вглубь русской территории — наш ответ Чемберлену!

Комендант Кексгольма отправил на межу инспектора, который с русскими представителями поехал по меже с выписками из шведских межевальных книг и сравнивал содержащиеся в них данные с выписями из русских межевальных книг, которые к этому времени все же были найдены в Великом Новгороде. Обвиняемые шведские крестьяне, которые прибыли со шведским инспектором, «называли прямую межу ложною, а свою воровскую межу называли прямою». Для выяснения шведский инспектор и русские представители вновь «приехали к означенному месту и велели нести перед собою с обе стороны выписи с межевых книг, и выпись с выписью сошлась». В итоге шведский представитель вынужден был признать, что шведские крестьяне «своровали, и те новые грани и потесы учинили, и за то им наказание будет». Виновных крестьян «связав, отослали в Корелу», чтобы там подвергнуть их наказанию. Когда дело, казалось бы, было завершено, неожиданно выяснились новые обстоятельства: «И тут же говорил при смерти Корельского уезда крестьянин Михалко Олексеев, что в царской стороне новые грани делал с ним вместе царской стороны старо-

жилец Софийский крестьянин Аристок Григорьев»¹⁴. Таким образом, находившийся на пороге вечности крестьянин, живший в принадлежавшем Швеции Корельском уезде, заявил, что в перенесении межевых граней участвовали не только шведские, но и русские подданные. Это обстоятельство говорит о том, что давние связи не прервались после проведения новой границы и крестьяне сумели наладить трансграничное сотрудничество с целью создания нелегальной, не облагаемой никакими налогами «тайной запашки». В России или в Швеции эта запашка окажется — никакого значения для приграничных сельских жителей не было: главное — успеть убрать урожай и не попасться.

Нелегальная обработка пустошей, пожалуй, самое безобидное нарушение закона в приграничье. Куда как к более опасным последствиям приводили разбойные нападения через рубеж¹⁵. При этом нередко жертвами становились бывшие хозяева грабителей или другие землевладельцы, отделенные теперь от бывших русских крестьян и дворовых людей границей. В 1643 г. некий Крестилко, шведский подданный, привел под Новгород «немецкую лошадь серу». Местный сын боярский Обросим Кузминский «сведал <...> что у Крестилко та лошадь краденая, и он его поймал и хотел вести в Новгород», но конокрад «от него ушел за рубеж, и, собрався с ворами же, с дядьями своими <...> и с иными ворами, с ружьем, с пищальми и з бердыши, и ходили на него, Обросима, разбоем <...> двор его Обросимов и крестьянские дворы <...> зажигали, и в двух деревнях дворы и житницы с хлебом выжгли без остатку. И от того их зажигу крестьянин его Ермолка да крестьянка его с дочерью сгорели. И приходили на него, Обросима, многижда разбоем, чтоб его, Обросима, убить <...>. И, видя его разоренье, зарубежские крестьяне <...> по рубежу на царской стороне пожни его косили и лессовые угодыя запустошили»¹⁶. Как видим, попытка сына боярского вывести конокрада на чистую воду обернулась для него практически полным разорением.

Граница отделила многих православных от тех священников, с которыми они обыкновенно поддерживали духовное общение. В документах часто встречаются упоминания, что православные шведские подданные стремятся попасть на русскую территорию по религиозным надобностям — «для отцов духовных». Это давление на границу вызывало недовольство шведских властей, которые в дипломатическом общении старались подчеркивать, что в шведских владениях православная религия нисколько не ущемляется, так что и ходить за рубеж для общения с православным духовенством у прихожан великой нужды нет. Когда в 1626 г. из русских владений, из Кобоны, на

шведскую территорию к своим родственникам перебежала царская подданная, вдова, которую «согнали со двора» зять и сыновья, и вышла замуж за подданного шведского короля, шведский комендант, говоря о рождении новой православной семьи, особо отмечал в послании русскому воеводе, требовавшему возвратить перебежчицу, что «поп русский именем Кондратий венчал их» на шведских землях¹⁷. Свадебными колоколами эта история не завершилась. Вступив в законное супружество, беглянка, вероятно, или пожелала отомстить оставшимся в русских пределах родственникам, выгнавшим ее из дома, или попросту решила получить хотя бы часть оставшегося в русских пределах имущества. Для этого она отрядила мужа, который «по ее наученью ходил через рубеж в Кобону и украл у русских две коровы да телицу» и другое добро¹⁸.

Разделенные границей родственники, стремившиеся к трансграничному общению, создавали постоянное напряжение в приграничье¹⁹. Общение это не всегда было дружественным. Чтобы избежать наказания в грабежах, участники трансграничных преступных сообществ нередко использовали ссылки на родственные отношения, притягивавшие их за рубеж: что пересекали границу не с криминальными целями, а с целью повидаться с «родимцами». Так, в 1623 г. шведский комендант Корелы уведомил новгородские власти, что в шведские приграничные деревни приходила банда во главе с Алешкой Тонконогим — пограбили местных жителей. Русские власти отыскивали трех русских крестьян, которые попали под подозрение. В расспросе обвиняемые нарисовали иную картину произошедшего. Оказалось, что у Алешки Тонконового за рубежом жил отец, умерший в 1622 г. Тогда сын «сказал у себя отца своего духовную», а все отцовское имущество хранилось у шведского подданного, у крестьянина Пимена, и Алешка с этими тремя крестьянами отправился за рубеж не для грабежа, а с целью получения наследства, «явно, а не тайно». Пимен отдал наследнику оставленные отцом по духовной двух коров, быка, мерина и различные вещи. У Пимена они ночевали две ночи, «а не грабили». Позже Алешка уже один ходил в ту же шведскую деревню и привел корову и лошадь — «и сказал им, что ему Пименко дал»²⁰.

Поиск лучшей доли подчас побуждал приграничных жителей неоднократно переходить со стороны на сторону. В 1627 г. комендант шведской Нарвы (Ругодивы) писал русским приграничным властям, что год назад «шведский подданный кузнец русский человек Ивашко Левонтъев» из принадлежавшего Швеции Ямского уезда «для великие работы перебежал в царскую сторону с женою и с детьми», а «ныне он опять назад пришел

и милости просит, что он хочет королю впредь верою и правдою служить и жить на нашей [шведской. — А. Ч.] земле». Кузнец вернулся в шведские пределы столь стремительно, что оставил в России не только «живот свой [имущество. — А. Ч.] и кузнечную снасть», но и жену с детьми, поэтому шведский комендант просил переправить семью и имущество кузнецу в шведские владения, и русские власти тотчас распорядились выполнить эту просьбу²¹: ведь перебежчик вернулся в шведские пределы — туда, где и должен был жить согласно Столбовскому миру.

Таким образом, бывшие царские подданные, отрезанные линией границы друг от друга, сохраняли традиционные связи со своими бывшими соотечественниками. Эти связи в одних случаях были продиктованы взаимным притяжением и взаимными разнонаправленными интересами, в других случаях были инициированы русскими правящими кругами, использовавшими контакты с жителями отошедших к Швеции по Столбовскому миру территорий в своих целях.

* * *

¹ См., например: Кочующие границы: Сб. ст. по материалам международного семинара (Нарва, 13–15.11.1998) / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. СПб., 1999; Герасименко Т.И. Трансграничные этнокультурные регионы: методологические подходы к изучению // Известия Русского географического общества. 2005. Т. 137. Вып. 1. С. 73–83; Уваровские чтения-VI: граница и пограничье в истории и культуре: Мат-лы науч. конф., Муром, 16–18 мая 2005 г. / Науч. ред. Ю.М. Смирнов. Муром, 2006.

² Чепель А.И. Становление шведско-русского приграничья после Столбовского мира: конфессиональный фактор // Скандинавские чтения 2012 года: этнографический и культурно-исторический аспекты / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2012. С. 106–107.

³ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией / Подгот. к изд. С. Строев, М. Коркунов. СПб., 1841. Т. 3. 1613–1645 гг. № 284. С. 450–451.

⁴ Цит. по: Чепель А.И. Становление шведско-русского приграничья. С. 107.

⁵ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. 1613–1645 гг. № 179. С. 261.

⁶ Акты Московского государства / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. 1571–1634 гг. № 311. С. 330–331.

⁷ Ерусалимский К.Ю. Государственная измена и дискурсы лояльности в России второй половины XVI — начале XVII в. // Смутное время в России: конфликт и диалог культур: Мат-лы науч. конф., Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 г. / Науч. ред. А.И. Филюшкин. СПб., 2012. С. 67–69.

⁸ Кобзарева Е.И. Отсвет Смуты: отношение в Новгороде к «изменникам» в первые годы после заключения Столбовского мира (1617 г.) // Смутное время в России: конфликт и диалог культур. С. 84–87.

⁹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620 г. Д. 1. Л. 66–69.

¹⁰ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее — НИА СПбИИ РАН). Ф. 109. Оп. 1. Д. 114. Л. 1; Д. 115. Л. 1.

¹¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1656 г. Д. 1. Л. 62, 64.

¹² НИА СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 179. Л. 2.

¹³ Селин А.А. Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога, 2008. С. 95–96.

¹⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1. Л. 139–141; 1625 г. Д. 1. Л. 28, 32; 1626 г. Д. 1. Л. 102. 1626 г. Д. 1. Л. 15–16, 30–33.

¹⁵ См.: Чепель А.И. «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Метаморфозы истории: Научный альманах. Вып. 5 / Гл. ред. В.А. Дмитриев. Псков, 2014. С. 370–390.

¹⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617 г. Д. 15. Л. 125–127.

¹⁷ Чепель А.И. Становление шведско-русского приграничья. С. 106, 108.

¹⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 129.

¹⁹ См.: Чепель А.И. «Был без проезжей и хотел своих детей навесить»: проблема разделения семей в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 35. С. 231–244.

²⁰ НИА СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 44. Л. 1; Д. 55. Л. 1–2.

²¹ Дела Тайного приказа: в 4 кн. / Ред. С.Ф. Платонов. Л., 1926. Кн. 4. № 6. Стб. 357–360.